

ДОН НИГРО

ПЬЕСЫ ЗОАРА

Дон Нигро

Пьесы Зоара

Серия «Пендрагон-Армитейдж»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53813465

Аннотация

Шесть актеров (3 женские и 3 мужские роли). Из саги «Пендрагон-Армитейдж». Трагическая история любви Бена Палестрины и Анны, его немецкой переводчицы, рассказанная в девяти коротких пьесах, но из отдельных пьес складывается на удивление цельная история. У Дона мне ничего подобного не встречалось. Есть ли у других драматургов, сказать не могу. Пьеса-шедевр. Блестящая роль для актрисы 25 лет.

Содержание

Жена Лота[2]	6
В отеле призраков[3]	10
Египтология[4]	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дон Нигро

Пьесы Зоара

*Посвящается прекрасной и загадочной принцессе
Лягушке, für immer und ewig¹.*

Шесть актеров (3 женские и 3 мужские роли). Из саги «Пендрагон-Армитейдж». Трагическая история любви Бена Палестрины и Анны, его немецкой переводчицы, рассказанная в девяти коротких пьесах, но из отдельных пьес складывается на удивление цельная история. У Дона мне ничего подобного не встречалось. Есть ли у других драматургов, сказать не могу. Пьеса-шедевр. Блестящая роль для актрисы 25 лет.

Лабиринт из девяти пьес:

ЖЕНА ЛОТА / LOT'S WIFE

В ОТЕЛЕ ПРИЗРАКОВ / IN THE PHANTOM HOTEL

ЕГИПТОЛОГИЯ / EGYPTOLOGY

РЕЧНЫЕ РАКИ / CRAYFISH

**НОЧЬ НАД ЧЕРНОЙ ВОДОЙ / NIGHT OVER DARK
WATER**

НИМФЕНБУРГ / NYMPHENBURG

ВОПРОСЫ / THE QUESTIONS

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ / WALPURGISNACHT

¹ For immer und ewig – навеки и навсегда (нем).

ЗОАР/ ZOAR

Эти девять взаимосвязанных пьес должны игратья вместе в один вечер и в последовательности, указанной выше, с одним антрактом между «Ночью над темной водой» и «Нимфенбургом», а каждая индивидуальная пьеса должна указываться в программке. Пьесы могут также ставиться по одной или группами по две-три.

Жена Лота²

(Свет падает на АННУ, женщину старше двадцати. Она в футболке, которая ей велика. На груди написано одно слово – «ЗОАР». Вокруг темнота).

АННА. Иногда мне снится, что я – жена Лота, женщина, застывшая во времени, здесь, у Мертвого моря, превращенная в колонну из соли. Верблюды слизывают с меня соль. Проходят сотни миль, водят языками по моему телу, вверх и вниз, а потом уходят. Похоже, горбатые сообщают друг другу, что я – девушка, которая позволяет себя лизать. Теперь вы можете подумать, что стоять целыми днями на солнце и позволять верблюдам лизать себя, это и есть полнокровная, приносящая удовлетворенность жизнь. Отнюдь. Но есть и плюсы. Скажем, у меня есть время, чтобы поразмышлять о моих многочисленных грехах. В чем, собственно, состоит ужасное преступление, за которое меня наказывают столь особенным образом? Думаю, я согрешила, обернувшись. Капризный, вспыльчивый Иегова замыслил уничтожить города на равнине, потому что тамошние жители проявляли излишнюю изобретательность по части плотских наслаждений. Но Авраам напоил божество и уговорил спасти хотя бы одного

² Copyright © 1997, 2007

праведника, каковым, вот повезло, оказался Лот, его соплеменник и мой муж. Но бог выставил условие (а боги-мужчины обожали всякие условия и ревностно следили за их выполнением): никому не оглядываться. Я знала условие, но все равно оглянулась на равнинные города. Не от злобы, любопытства или зазнайства. Просто там осталась моя дочь, и я места себе не находила из-за того, что бросила ее в горящем городе. Вот я и остановилась, оглянулась и застыла. Так началось мое общение с половиной верблюдов известной части вселенной.

Взгляд назад вызывает паралич. Особенно взгляд на созданное тобой. Я оставила дочь там, по другую сторону воды. Мертвое море залило ее кости, как пересоленный суп, а я здесь, застывшая и брошенная. Иногда песок замечает меня выше груди, подбирается к подбородку. Верблюды просто наклоняются и лижут мое лицо. Я даже прониклась к ним теплыми чувствами, что, наверное, говорит о степени моего отчаяния. Я даю им клички. Роско и Бугорок, Барнабас и Фред. Я знаю их всех. Верблюжата такие милые, лижут мне промежность. Где-то я даже начала ждать их прихода. Но пусть верблюд никогда не потеет, пахнут они все равно, как лошадиный навоз и козий сыр. И они кусаются. Но у них есть достоинства. Во-первых, они редко пьют. Мой муж Лот накачивался вином, потом бегал вокруг шатра голым и подкатывался с непристойными предложениями к овцам. Представить себе не могу, почему Бог его спас. Это все политика.

Стервятники прилетают и кружат надо мной каждый день, словно не могут решить, рыба я или птица, живая или мертвая, десерт или дерьмо.

Из моих снов я знаю, есть место, куда я должна пойти, но не могу двинуться. Мое наказание – в моей инертности. Я навечно застыла на пол-пути. То, что я люблю, позади, куда должна идти – впереди, но я не могу убедить себя двинуться вперед или назад. Я знаю, где-то неподалеку есть убежище от этого отвратительного одиночества. Кто-то ждет меня там, в тени. Бог или дьявол? Не знаю. Думаю, может, это мой ангел смерти. Я закрываю глаза и вижу, как Ангел смерти ухмыляется мне с карты, что лежит на зеленом сукне стола штутгартской колдуньи. И в его глазницах и раззявленной пасти я узнаю отраженный образ моей любви. Ночами меня мучают гиены. Отсмеявшись, они поднимают задние лапы и писают на меня. Если бы я могла двинуться, если бы сумела сделать шаг, возможно, следующий дался легче, третий – еще легче.

Но я остаюсь здесь, пойманная и недвижимая, подвешенная на полпути, тогда как за моим окном ночами шакалы лают и воют на Альбертштрассе. Я должна двинуться. Я не могу. Я должна продолжить свое путешествие. Я поймана в какой-то гротескной нерешительности в густо затянутых паутиной коридорах моей души. И в этом сне неподвижности и страха в забытом богом пустынном месте, я вижу тень, пролетающую по моему разуму, чтобы что-то шепнуть мне в ухо, образ какого-то древнего и наполовину забытого де-

мона. Все мои ночи длинные и холодные, с запахом страха и воспоминаниями. Маленьких существ пожирают в темноте, каждая смерть – тупой, безжалостный ответ на древний вопрос, который не был задан. А когда что-то чудовищное, но знакомое возникает в ночи и надвигается на меня, зловонное дыхание обдает шею, а склизкий язык проходится по груди, с моих губ срываются стоны, меня трясет, я плачу в темноте, слой за слоем моя плоть слизывается, пока я не исчезну полностью.

(Свет медленно меркнет и гаснет полностью).

В отеле призраков³

Действующие лица:

НИНА, дочь АННЫ – четыре года, голос взрослой актрисы за сценой

АННА – женщина старше двадцати

ДЖОЗЕФ – старик

Декорация:

Квартира АННЫ. Кровать. У кровати лампа. Стол и стул. Сцена, по большей части, темная.

(Из темноты слышен голос НИНЫ. Ей четыре года, но играть ее должна молодая взрослая актриса).

НИНА. Мама? Мама? Мама? *(АННА включает свет и садится на кровати. Молодая женщина старше двадцати, спит в футболке, которая ей велика, на груди слово «30-AP»).* Мама? Мама?

АННА. Спи. Мама здесь.

НИНА. Можно мне прийти и спать с тобой, мама?

АННА. Нет. Спи. *(Закуривает).* Это происходит каждую ночь. Она хочет спать со мной, я говорю «нет», потом мы

спорим, но я быстро устаю, сдаюсь, через минуту она в моей кровати и спит, свернувшись калачиком, а я спать не могу. Если засыпаю, мне снятся кошмары, пустыни, соляные колонны, сфинксы, речные раки, что-то еще, я не помню. Часто мне снится отель дедушки. Отца моей матери. Мать моего отца занимали раки и египтология, а отцу моей матери принадлежал восхитительный старый, мрачный отель, в котором я выросла. Когда я была ребенком, этот отель заменял мне целый мир. А теперь ребенок есть у меня, и отель возвращается в моих снах. (*Скрип половиц*). Кто это? Нина? (*Появляется ДЖОЗЕФ, высокий, благородного вида старик, в длинном пальто и с часами в руках*).

ДЖОЗЕФ. Это всего лишь я.

АННА. Я так и подумала. Что это у тебя?

ДЖОЗЕФ. Часы остановились. (*Садится за стол, начинает возиться с часами*). Не можешь уснуть?

АННА. Я могу спать, если хочу.

ДЖОЗЕФ. Ты из тех девочек, которые спят очень крепко, если засыпают, но вот уснуть часто не могут.

АННА. Ты тоже не может уснуть.

ДЖОЗЕФ. У меня есть оправдание. Я старый. И пытаюсь починить эти часы. Ты юная. Тебе необходим сон.

АННА. Когда я засыпаю, мне снятся дурные сны.

ДЖОЗЕФ. Вальпургиева ночь.

АННА. А она причем?

ДЖОЗЕФ. Тебе приснилась Вальпургиева ночь.

АННА. Откуда ты знаешь?

ДЖОЗЕФ. Потому что я там был.

АННА. Мне часто снится твой отель.

ДЖОЗЕФ. Ты – потерянная девочка, которой слишком часто снятся сны. Ты скучаешь о своем отце.

АННА. Я никогда не скучаю о своем отце. Я рада, что он ушел от нас. Из-за того, что он ушел от нас, мама привела меня в твой отель. Я люблю этот отель. Волшебное место. Когда-нибудь я приведу сюда моего возлюбленного.

ДЖОЗЕФ. Твоего возлюбленного? Кого это?

АННА. Единственного. Любовь моей жизни.

ДЖОЗЕФ. Да. Любовь твоей жизни.

АННА. Бабушка была любовью твоей жизни?

ДЖОЗЕФ. Да, полагаю, что да. В каком-то смысле. Вообще-то, нет.

АННА. А кто был? Кто был любовью твоей жизни?

ДЖОЗЕФ. Эти часы так раздражают. Немецкие часы слишком сложные. И в механизме грязь.

АННА. Скажи мне. Кто был любовью твоей жизни?

ДЖОЗЕФ. Ты считаешь, что любовь чьей-то жизни – обязательно конкретный человек?

АННА. Да.

(Он занимается часами. Она ждет).

ДЖОЗЕФ. Юношей я любил девушку, которая умерла.

АННА. Ох.

ДЖОЗЕФ. Став старше, ты поймешь, что гораздо легче

любить того, кто умер.

АННА. От чего она умерла?

ДЖОЗЕФ. Я не помню.

АННА. И после ее смерти ты влюбился в бабушку?

ДЖОЗЕФ. После ее смерти я очень долго ни на кого не обращал внимания. Я был поваром, вот и готовил. Отель принадлежал твоей прабабушке, и у нее были две дочери, которых она хотела выдать замуж, чтобы они так сильно не доставали ее. Одна была очень милой, нежной, терпеливой и доброй, а вторая просто ужасной. У меня был выбор и, разумеется, я выбрал вторую.

АННА. Почему ты это сделал?

ДЖОЗЕФ. Иногда я думаю, что это наша судьба – всегда делать неправильный выбор. Стоит нам отчаянно влюбиться и получить жестокий удар, мы отворачиваемся от любви, пусть даже верим, что не можем без нее. И мы не можем без нее. Но все равно отворачиваемся и выбираем несчастье, потому что мы глупы и потому что способны любить и страдать. А еще потому что несчастье представляется нам заслуженным наказанием за то, что нам хватило глупости полюбить кого-то слишком сильно и едва не сойти с ума от горя, когда человек этот ушел. И уходят, разумеется, все, за исключением тех, от кого избавиться невозможно. Вот я и получил твою бабушку. А хорошая сестра, твоя тетя Софи, так и не вышла замуж. Вот так одним выбором я загубил три жизни. Всякий раз, когда мы делаем выбор, кто-то умирает.

Но ты покажешь отель тому, кто станет любовью твоей жизни, и не ошибешься с выбором. И все-таки ты не можешь заснуть? Почему ты не можешь заснуть?

АННА. Я хочу принять ванну, но я боюсь.

ДЖОЗЕФ. Почему? Ты боишься смерти в воде?

АННА. Я боюсь номера Пять.

ДЖОЗЕФ. Номер Пять – прекрасная комната. Мне всегда нравился номер Пять.

АННА. Номер Пять был прекрасной комнатой. Я всегда любила его больше других номеров отеля. Девочкой принимала ванну в номере Пять. Там стояла красивая большая старая ванна на «львиных лапах». Я наполняла ее горячей водой и лежала в ней часами, закрыв глаза и притворяясь, что я в том месте, куда хотела попасть. И я всегда оставляла дверь в ванную приоткрытой, чтобы видеть старые часы на каминной полке у кровати. Часы тикали, вода капала из крана в ванну, и я была совершенно счастлива. Я любила номер Пять. Когда была там, эта ужасная женщина без больших пальцев, которая всегда пыталась обняться со мной в коридорах, не могла добраться до меня.

ДЖОЗЕФ. Человеком она была хорошим. Просто не было у нее больших пальцев, и ей нравилось обниматься. Она мучилась одиночеством.

АННА. Но я не хотела, чтобы она обнималась со мной. Она пахла, как смерть. Вот я и уходила в номер Пять, раздевалась догола, наполняла ванну горячей водой, залезала в

нее и слушала тиканье часов, обнаженная, в тепле и безопасности. Но больше я заходить туда не могу.

ДЖОЗЕФ. Не понимаю, почему. Номер по-прежнему хороший.

АННА. Теперь нет.

ДЖОЗЕФ. А что с ним не так? Он совершенно не изменился.

АННА. Как бы не так. Номера отеля меняются постоянно, в зависимости от того, что в них случается.

ДЖОЗЕФ. В номере Пять ничего не случилось.

АННА. Случилось. Почему ты позволил тому отвратительному старику поселиться в номере Пять и жить там из месяца в месяц? Почему позволил этому грязному, ужасному старику так долго там жить?

ДЖОЗЕФ. Твоя бабушка говорила, что номер – это номер, а деньги – это деньги. Он хотел жить именно там.

АННА. Я ждала и ждала, когда же он съедет, чтобы вернуться в номер Пять и вновь принимать там ванну, но он оставался, оставался и оставался, а в какой-то день этот ублюдок умер в номере Пять, на той самой кровати, где я лежала после ванны, голая и чистая, глядя в потолок и слушая, как тикают и бьют часы. Мне снился этот номер, каждую ночь, но больше я не могла в него войти.

ДЖОЗЕФ. Кто-нибудь умер в любом месте земли, и во всех отелях есть призраки. Я сам умер в этом отеле.

АННА. Да.

(Пауза).

ДЖОЗЕФ. Эти часы очень сложно починить.

АННА. Когда ты умер, я едва не сошла с ума от горя. Вошла в мужские джунгли. И теперь потерялась.

ДЖОЗЕФ. Все теряются.

АННА. Я не могу спать из-за призраков.

ДЖОЗЕФ. Призраки есть в любом месте на земле.

АННА. Ночью мне снится отель призраков, женщина без больших пальцев, которая отчаянно стремится обняться со мной, грязный старик с гнилыми зубами и пожелтевшими воротничками, который умер в номере Пять. В моих снах я иду по коридору отеля. Открываю дверь в номер Пять. Петли скрипят. Часы тикают на каминной доске. Кровать застелена. Я иду к ванной, заглядываю в нее. Льется вода, ванна почти заполнена. Я выключаю воду. Краны чуть подтекают, как и всегда. Скидываю халат, и я голая. Осторожно встаю в ванну, потом ложусь, чувствуя, как вода пробирается между ног, ласкает меня там. Мои груди уходят под воду, она уже у моего подбородка. Я смотрю на потолочные трещины, слушаю, как капает вода и тикают часы, и я так счастлива. Я чувствую, что мой возлюбленный уже идет. Он идет по коридору, чтобы присоединиться ко мне в номере Пять. Я вижу часы через приоткрытую дверь в ванную. Потом дверь открывается шире, и он стоит на пороге. Старик с гнилыми губами. Его лицо зеленое и мертвое. Черви копошатся в глазницах. Он протягивает ко мне скрученную и раздувшуюся

руку. Пальцы в желтых табачных пятнах. Я чувствую на них запах смерти.

ДЖОЗЕФ. Ты всегда была потерянной девушкой. Так что должна постараться не быть столь несчастной.

АННА. Любовь слеплена из несчастий.

ДЖОЗЕФ. Но теперь тебе получше, правда, дитя? У тебя своя дочка. И дерево посреди спальни, и старые тикающие часы на кухне.

АННА. Часы не ходят. Они из отеля, но время остановилось.

ДЖОЗЕФ. Часы – ерунда. Ты нашла любовь своей жизни.

АННА. Нашла?

ДЖОЗЕФ. Если не нашла, так скоро найдешь. Вероятно до того, как я почию эти часы. У тебя такие прекрасные глаза. Никто не знает, какого они цвета.

(Пауза).

АННА. Дедушка?

ДЖОЗЕФ. Что?

АННА. А если человек встречает любовь своей жизни, но не узнает?

ДЖОЗЕФ. Ты узнаешь.

АННА. Но, если я узнаю его...

ДЖОЗЕФ. Что?

АННА. Тогда я должна его убить?

ДЖОЗЕФ. С чего ты захочешь ему убить?

АННА. Я не захочу. Но если мне придется?

НИНА (за сценой). Мама?

АННА. Все хорошо, любовь моя. Мама здесь. Спи. (Пауза). Дедушка, я думаю, я его убью.

ДЖОЗЕФ. Что-то его убьет, рано или поздно. Любовь всегда убивает, в самом конце.

АННА. Часто я встаю глубокой ночью и смотрю на свою спящую дочь.

ДЖОЗЕФ. Она очень красивая.

АННА. Но все красивое умирает.

ДЖОЗЕФ. Да.

АННА. Ты умер.

ДЖОЗЕФ. Да. Но я не был красавцем.

АННА. Был. Для меня был. Твое пальто до сих пор у меня.

ДЖОЗЕФ. Я знаю.

АННА. Иногда я надеваю его, когда мне очень холодно. Оно огромное.

ДЖОЗЕФ. Да.

АННА. Ты был высоким и очень сильным, очень добрым и терпеливым со мной, и я очень тебя любила, но ты умер.

ДЖОЗЕФ. Да.

АННА. Мне было четырнадцать, и ты умер, и у меня не осталось никого. Почему ты умер?

ДЖОЗЕФ. Потому что остановились часы.

АННА. Любовь моей жизни – высокий мужчина.

ДЖОЗЕФ. Да.

АННА. Я не знаю, сильный ли он. Надеюсь, что сильный.

ДЖОЗЕФ. Это трудно – быть сильным.

АННА. Возможно, если он очень сильный, мне потребуется много времени, чтобы убить его.

ДЖОЗЕФ. Возможно.

АННА. Мне так хочется вернуться в отель призраков.

ДЖОЗЕФ. Он был замечательный.

АННА. Почему у меня такое сильное чувство, что все здесь уже случилось прежде?

ДЖОЗЕФ. Возможно, случилось прежде, но больше уже никогда не случится.

АННА. Но мне кажется, это то самое, что я ждала всю жизнь, а потом все просто исчезает, как отель призраков.

ДЖОЗЕФ. Все исчезает.

(Пауза).

АННА. Ты никогда не любил свою жену?

ДЖОЗЕФ. Я был поваром. У меня были сильные руки.

АННА. Но ты никогда не любил свою жену?

ДЖОЗЕФ. Я любил девушку, которая умерла.

АННА. И только ее? Единственную?

ДЖОЗЕФ. Любовь сложнее, дитя. Любовь, которую мы испытываем к одному человеку всегда в какой-то степени отражение любви к другому, потерянного навсегда. Мы всегда влюблены в нечто такое, что потеряли. Такова природа любви.

АННА. Поэтому я собираюсь его убить?

ДЖОЗЕФ. Возможно, этого ты не убьешь, дитя. Возмож-

но, этот будет другим.

АННА. Да. Возможно, этот будет другим, да только его не существует.

НИНА (*опять голос из темноты*). Мама?

АННА. Все хорошо. Мама здесь. Здесь и с тобой.

НИНА. С кем ты разговариваешь, мама?

АННА. Я говорю по телефону.

НИНА. Мама?

АННА. Что, милая?

НИНА. Мне снился отель.

АННА. Все хорошо. Никто не причинит тебе вреда. Спи, милая. Спи.

ДЖОЗЕФ (*встает, оставляя часы на столе*). Наверное, не удастся мне починить эти часы.

(*АННА подходит, обнимает деда за талию, кладет голову на грудь. Он укутывает ее пальто, обнимает. Свет медленно меркнет и гаснет полностью*).

ЕГИПТОЛОГИЯ⁴

Действующие лица:

АННА – женщина старше двадцати

БЕН – мужчина старше сорока

НИНА, дочь АННЫ, – четыре года, но играет ее молодая взрослая актриса, голос за сценой

Декорация:

Два круга света на темной сцене. В каждом круге стул. Круги света не соприкасаются. Их окружает темнота. Хотя создается ощущение, что АННА и БЕН говорят друг с дружкой по телефону, телефонов у них нет, и они не делают вид, будто есть.

(Ночь. Сирена «скорой, доносящаяся издалека. Свет падает на АННА и БЕНА. АННА сидит в левом круге света, одета в длинную футболку, которая ей велика, с надписью «ЗОАР» на груди. Бен – в правом круге света. Между ними темнота).

АННА. Ничего не получится. Я просто хочу убедиться, что ты это понимаешь. Не нужно мне недопонимание. Эти

переводы доставляли мне такое наслаждение. Они были для меня так важны. Перевод с одного языка на другой – это что-то очень интимное. Или ты так не думаешь?

БЕН. Да. Согласен.

АННА. Но ничего не получится. Потому что это абсурд. Совершеннейший абсурд. Если что-то получится. Но этому не бывать. Ничего не получится. (*Пауза*). Мне приснилась Вальпургиева ночь. Но я не могу рассказать тебе об этом.

БЕН. Потому что ничего не получится?

АННА. Потому что это дурная примета. Пересказывать свой сон. Особенно сон про Вальпургиеву ночь.

БЕН. Все дурная примета.

АННА. Это да. (*Пауза*). Я все время думаю о тебе. Это как сон. Как все хорошее, кажется нереальным. Все эти месяцы. Переводя твой текст. Переписываясь с тобой. Твой голос по телефону. Твоя фотография. Я ощущаю себя египтологом. Расшифровывая твои иероглифы. Иероглифы, ты знаешь, с греческого и означают «священновырезанные письменна». Словно твои слова выбиты на стенах коридоров в моем мозгу. Все равно, что вскрываешь гробницу, заполненную пылью столетий. Исследуя тебя. Изучая нутро твоего разума. Узнавая тебя. Нарастающая необычность всего этого, близость. Как воспоминание. Словно я знала тебя раньше. Словно это все из пьесы, в постановке которой мы участвовали. Иногда меня это пугает.

БЕН. Почему тебя это пугает?

АННА. Потому что перевод пробуждает то, что, казалось бы, уже погребено глубоко-глубоко. В тебе, но также и во мне. Словно переводишь собственную душу. Словно вскрываешь великую, древнюю, пыльную гробницу, находишь иероглифы дано ушедших дней, и вдруг осознаешь, переводя их, что они рассказывают историю твоей жизни. Словно вспоминаешь, как вырубил их в камне десять тысяч лет тому назад. Так похоже на мою бабушку.

БЕН. Твою бабушку?

АННА. Моя бабушка была одержима египтологией.

БЕН. Та, что управляла отелом?

АННА. Нет. Другая. Моя австралийская бабушка. Мать моего отца. Египтология и речные раки.

БЕН. Речные раки?

АННА. И египтология. Она жила в Лондоне. Я иногда ездила к ней. В Лондон. И мой отец. Мой отец живет в Лондоне.

БЕН. Я знаю. Ты послала мне фотографии.

АННА. Моего отца? Не думаю. Нет у меня фотографий моего отца.

БЕН. Лондона. Те, что ты сделала для меня в Лондоне.

АННА. Да. Лондона. Надеюсь, я тебя не обидела. Не тем, что послала фотографии Лондона, но связав тебя с пыльными, древними саркофагами и выбитыми на них письменами. Я про возникшее у меня чувство, что никто с давних пор не вскрывал тебя. Ты оставался закрытым тысячи и тысячи

лет, находясь в большом старом доме, населенном призраками. Ты очень осторожный.

БЕН. Правда?

АННА. Да. Ты очень осторожный. Отгораживаешься от всех. Кто-то жестоко тебя обидел.

БЕН. Такое случается практически с каждым.

АННА. Пусть так, но кто-то очень, очень обидел именно тебя. Отнесся к тебе самым безобразным образом. Рассчитал, как причинить тебе самую сильную боль, а потом вырвал твои внутренности, как потрошительщик на колбасной фабрике, яростно швырнул их в стену, наблюдая, как они сползают вниз, а потом долго топтался на них, оставив на ковре пятна, которые тебе уже никогда не оттереть. (*Пауза*). Кто-то вроде меня.

БЕН. Тебя?

АННА. Я причиняю мужчинам много боли. Или причиняла до того, как родилась моя дочь.

БЕН. То есть теперь ты больше не вырываешь из мужчин внутренности и не швыряешь их в стену?

АННА. Нет. Практически нет. Я слишком занята. У меня дочь.

БЕН. Почему ты причиняла боль мужчинам?

АННА. Самозащита.

БЕН. Потому что они причиняли боль тебе?

АННА. Такое случается практически с каждой.

БЕН. Какие мужчины?

АННА. Всякие. Некое количество мужчин. Разных типов. А может, одного. Я хочу, чтобы ты понял. Если я приеду повидаться с тобой, то лишь как твоя переводчица. Исключительно ради перевода. Чтобы он стал еще лучше. После встречи с тобой я смогу переводить более точно, потому что увижу твои глаза. Это многое меняет, возможность увидеть глаза автора оригинального текста, цвет его глаз. Когда ты встречает кого-то, когда человек реально возникает перед тобой, из плоти и крови, тогда меняется все. Когда ты видишь цвет глаз, они становятся настоящими. Не то, чтобы что-то может получиться. Потому что получиться не может ничего. Собственно, я сильно сомневаюсь, что действительно смогу приехать и повидаться с тобой, но если мы повидаемся, то встреча наша будет очень короткой, исключительно ради перевода, и не получится ничего.

БЕН. Почему ты продолжаешь это говорить?

АННА. Я просто хочу, чтобы ты понял. Я не хочу, чтобы у тебя возникли ложные надежды.

БЕН. Будто что-то может получиться?

АННА. Да.

БЕН. Но почему ты считаешь необходимым убеждать меня в этом?

АННА. Из-за своих чувств. Уже какое-то время я что-то чувствую. Не знаю, откуда это идет. Но чувства сильные. И я не знаю, что с ними делать. Может, ничего. Обычно это самое благоразумное, так? По крайней мере, самое безопас-

ное. Да только безопасное – не по мне. Никогда не делаю то, что безопасно. Делать то, что безопасно, противоречит моим принципам. Хотя есть комнаты, куда я не захожу, комнаты, в которых случилось что-то ужасное. Я просто хочу приехать и повидаться с тобой. Очень коротко. Скажем, за чашкой кофе. Мы просто выпьем кофе, а потом я уеду.

БЕН. Ты приедешь в Огайо, мы выпьем кофе, а потом ты вернешься в Германию?

АННА. Да.

БЕН. Мне тоже придется пить кофе?

АННА. Ты не пьешь кофе?

БЕН. Выпью, если ты захочешь.

АННА. Я не хочу, чтобы ты пил кофе, если ты его не пьешь.

БЕН. Может, у тебя получится задержаться на две чашки кофе?

АННА. Ох, не знаю. Думаю, от двух чашек я могу разнервничаться. А ты не захочешь, чтобы я разнервничалась. Обычно я не нервная. Но из-за тебя я нервничаю. Меня нервирует сама идея, что я увижу тебя. Думаешь, не нужно мне приезжать?

БЕН. Я хочу, чтобы ты приехала.

АННА. Я даже подумала, а может, приехать, не сказав тебе. Просто подъехать к дому, спрятаться в кустах и понаблюдать за тобой. Сделать несколько фотографий и отправиться в обратный путь. Но потом решила, что ты найдешь это

слишком странным. Ты думаешь, это выглядело бы странным?

БЕН. Да.

АННА. И я о том же. Чувствую, что уже очень хорошо тебя узнала. Переводя твой текст, разговаривая с тобой по телефону, читая твои письма. Мне очень нравятся твои письма.

БЕН. И мне очень нравятся твои письма. А фотографии еще больше. Мне все в тебе нравится.

АННА. Не знаешь ты обо мне всего. Собственно, ничего ты обо мне не знаешь. Ты действительно ничего обо мне не знаешь, и я тебя не знаю. Правда. Ты даже не существуешь. Ты – голос из темноты. Голос над водой в ночи. И, разумеется, ничего не получится.

(Пауза).

БЕН. Если я задам вопрос, ты скажешь мне правду?

АННА. Разумеется, я скажу тебе правду. Я ненавижу ложь. Никогда не лгу. Только в случае крайней необходимости. Еще и не умею. Всегда себя выдаю. Голос становится пищущим, как у ребенка, когда я лгу.

БЕН. Чего ты не делаешь никогда.

АННА. Чего я не делаю никогда. Так что ты хочешь знать?

БЕН. Почему твоя австралийская бабушка одержима речными раками?

АННА. Понятия не имею. Она играла на пианино и безмерно увлекалась речными раками и египтологией. Тайна

сия велика есть. Как и все остальное. Как ты и я.

(Пауза).

БЕН. Какого цвета у тебя глаза?

АННА. Никто не знает. *(Пауза).* Может, не стоит мне приезжать. Путешествия всегда опасны.

БЕН. Но ты любишь путешествовать.

АННА. Да.

БЕН. И ты любишь опасность.

АННА. Да. Пожалуй. И я уже купила билет.

БЕН. Правда?

АННА. Да. Но, может, мне не приезжать. Разумеется, это невозвращаемый билет. Денег за него не вернут. Я не могу его сдать. Купила, и обратного хода уже нет. Но внутри меня голос, который говорит, что мне лучше остаться на этой стороне океана и не встречаться с тобой. Если я тебя увижу, это как-то все испортит, а я не хочу ничего портить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.